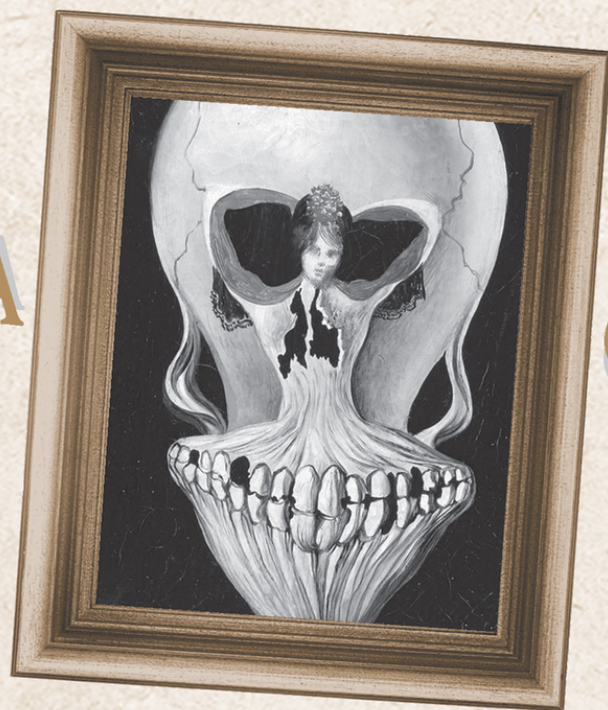

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ЖАН
ДЕЛЮМО

ПУСТОТА

СТРАХА

ЖОРЖ
БАТАЙ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Мартин Хайдеггер

Пустота страха

«Алисторус»

УДК 13
ББК 87

Хайдеггер М.

Пустота страха / М. Хайдеггер — «Алисторус»,
— (Философский поединок)

ISBN 978-5-907120-29-7

«Человеческий ум не только вечная кузница идолов, но и вечная кузница страхов» – говорил Жан Кальвин. В глубине нашего страха – страх фундаментальный, ужасное Ничто по Хайдеггеру. Чем шире пустота вокруг нас, тем больше вызываемый ею ужас, и нужно немалое усилие, чтобы понять природу этого ужаса. В книге, которая предлагается вашему вниманию, дается исторический очерк страхов, приведенный Ж. Делюмо, и философское осмысление этой темы Ж. Батаем, М. Хайдеггером, а также С. Кьеркегором. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-907120-29-7

© Хайдеггер М.
© Алисторус

Содержание

Введение	5
Вместо предисловия	7
Страх перед добром	7
Идентификация страха	15
Живые мертвецы и привидения	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Жан Делюмо, Жорж Батай, Мартин Хайдеггер, Сёрен Кьеркегор Пустота страха

Введение

Большинство людей на вопрос о том, чего они больше всего боятся, отвечают: «Я ничего не боюсь». Такой ответ не соответствует действительности, поскольку каждый из людей в то или иное время испытывает какой-нибудь страх. Миллионы людей в течение всей своей жизни подвержены страхам. Они живут в постоянном нервном напряжении. Их нервная сила истощена. И в какой-то момент наступает нервный срыв.

Страхи воздействуют и на материальную, и на духовную стороны жизни. Страх мешает человеку удовлетворять свои основные жизненные потребности – обеспечивать себя пищей, кровом, одеждой. Страх разрушает в человеке такие качества, как инициатива, энтузиазм, честолюбие. Он подрывает уверенность в себе и душит воображение. Страх делает человека жадным, беспечным, брюзгливым, подлым, жестоким и раздражительным в отношениях с другими людьми.

Страх опасен тем, что он живет в подсознании человека, где его нелегко обнаружить. Если страх проявляет себя острой головной болью, то он более подавлен, потому что в таких случаях от него можно как-то избавиться. Но чаще всего он подкрадывается к человеку, как вор в ночи, проникая в мозг и мешая ему нормально функционировать.

Страх заключается в чувстве внутренней напряженности, непосредственной опасности для жизни в ожидании угрожающих событий, действий. Все, что нас окружает и что окружено нами, – страховогенично. Он расширяет зрачки («у страха глаза велики»), не знает прищура, входя или исходя через нас, оставляет следы-запяты, вплоть до дрожания рук, коленок и заикания. И даже афазии, эпилептической контрактуры. Но где он сам?

Страх – стремнина аффекта, стеснение дыхания. Фрейд исходит из этимологии: *angst* – *angustiae* – «теснота», «теснина». Стесняющие обстоятельства, родовая травма, страх не родиться, не прорваться на свет из стесняющей материнской утробы (слышится – гроба). Этот ужас нерождения или смерти до жизни учреждает нашу психику и в страхе возобновляем.

Но страх может быть и заказан. Операторы страха надежны. В структуре страха нет места сбоям. К числу патологических страхов относятся такие, которые характеризуются отсутствием психологической обоснованности или чрезмерной интенсивностью, длительностью, не соответствующими силе вызвавшей их причины...

Страх охраняет прерывность, но, гранича с бесстрашием непрерывности, хочет себя прервать в пользу сверхчеловеческого. Страх – «скованная свобода», отсроченная. Любим поэтому и лелеем свой страх в мечтательном мареве собственных дней. Рождены в страхе, и страх порождает. Не отнять у ребенка жадного вхождения в страх, в приключения ужасные и загадочные, сладостное превозможение, утреннее пробуждение после жуткого сна. Страх разрешает попробовать еще раз. Страх ведет к повторению, повторению удовольствия. Самое что ни на есть жизненное. Но и чреват различием, изменением до неузнаваемости. В мутной глубине страха – смерть, ничто.

В глубине нашего страха – страх фундаментальный, ужас по Хайдеггеру. Нечто родовое. Общечеловеческая родина и рана. Ничто. В ностальгически страшном зове пребывает наша сущность, отпущенная родиной в «чистое присутствие» с целью себя явить. Отпущенная с одной (не своей) целью, сущность человеческая блуждает в поиске собственного утверждения

и смысла, но пустота вокруг. Оставленная нами фактом рождения не оставляет нас. Брошенная позади уже обернулась и грозит из будущего с первых же пульсаций самосознания, фигур мышления, а главное, с первых столкновений со смертью.

«Человеческий ум – не только вечная кузница идолов, но и вечная кузница страхов» (Кальвин). Каждый – кузнец своих страхов своей пустоты. Нужен аффект, катастрофа, чтобы выволить из пустоты контур видения. Чем сильнее страх, тем круче, чем безысходней пустота, тем ярче вспышка фантома. Дозы страха и пустоты растут, достигая опасной зоны регрессии, в которой приоткрывается пустота страха в своей депрессивной бесчеловечности.

А. Демичев

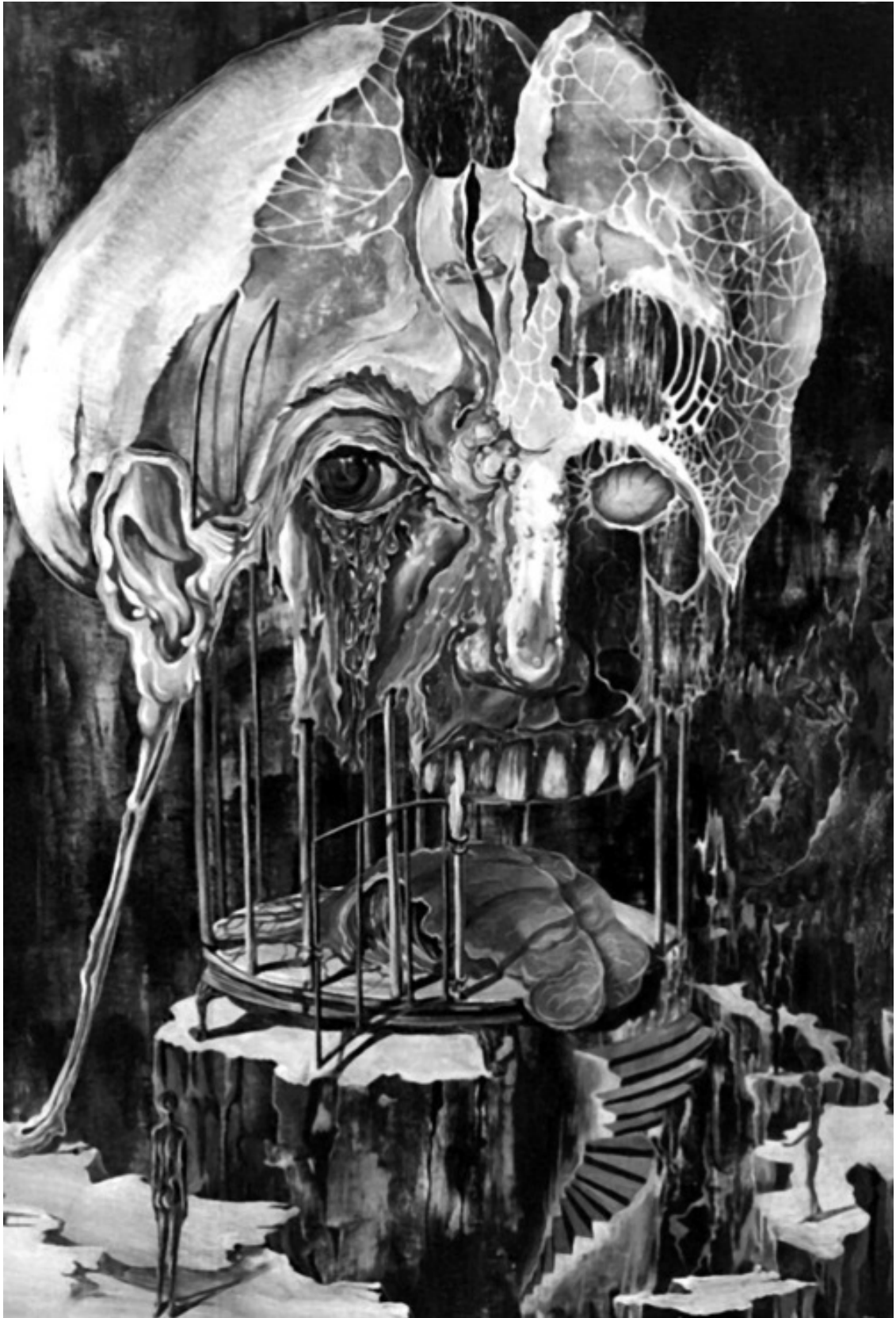
Вместо предисловия

Страх перед добром (из книги С. Кьеркегора «Понятие страха»¹)

Сёрен Кьеркегор

В наше время редко услышишь, чтобы говорили о демоническом. Отдельные сообщения об этом, которые можно найти в Новом Завете, касаются самых общих вещей. Когда теологи пытаются разъяснить их, они охотно углубляются во всевозможные наблюдения о том или ином неестественном грехе, причем они находят для этого соответствующие примеры, где животное начало получает такую власть над человеком, что оно выдает себя почти что нечленораздельным звероподобным рыком, зверским выражением лица или же звериным взглядом; порой звериная сущность в человеке может достигнуть выраженной формы, порой же, подобно исчезающему посланнику, эта сущность лишь молниеносно дает ощутить то, что таится внутри, точно так же, как некий взгляд или жест безумца, который короче самого краткого мгновения, становится пародией, насмешкой и карикатурой на разумного, осмотрительного и остроумного человека, с которым он стоит рядом и беседует. Все, что теологи замечали в этой связи, вполне может быть верным, но важнее всего то, что лежит в основе.

¹ Перевод с датского Н. Исаевой и С. Исаева.

Отто Рапп. Проигрыш разума перед материей

Обычно это явление описывают таким образом, что становится ясно видно: то, о чем тут говорится, – это рабство греха – состояние, которое я не могу описать лучше, чем вспомнив об одной игре, во время которой двое людей прячутся под одним плащом, делая вид, будто там

только один человек, – один из них говорит, другой же жестикулирует, причем совершенно случайным образом, без всякой связи с речами первого; ибо совершенно так же зверь облекается в человеческий образ и теперь продолжает все больше и больше искажать его своей жестикуляцией и интермедией.

Между тем рабство греха – это еще не демоническое. Индивид пребывает в грехе, и его страх – это страх перед злом. Если смотреть на него с более высокой точки зрения, такое образование находится внутри добра; ведь именно поэтому оно страшится перед злом. Другое же образование – это демоническое; индивид пребывает тут во зле и страшится перед добром. Рабство греха – это несвободное отношение ко злу, но демоническое – это несвободное отношение к добру.

Потому демоническое проявляется ясно только тогда, когда его касается добро, которое, таким образом, приближается к его границе извне. По этой причине достойно внимания, что в Завете демоническое впервые появляется только тогда, когда к нему приближается Христос; пусть имя этому демону – легион (см. Матф., 8. 27, 34; Марк, 5. 1–20; Лука, 8. 26–39), или же он нем (см. Лука, 11. 14), само явление тут одно и то же – это страх перед добром; ибо страх с одинаковым успехом может выражаться как в немоте, так и в крике. Добро означает, естественно, восстановление свободы, спасения, искупления, как бы их ни называли.

В старые времена о демоническом речь заходила довольно часто. Здесь не важно, занимается ли человек штудиями, которые могли бы помочь ему заучивать наизусть и цитировать учебные и любопытные книги. Легко набросать разнообразные замечания, которые вполне могут быть справедливыми и вполне могут соответствовать действительности время от времени. Это будет иметь определенное значение, поскольку различие таких замечаний может привести к определению самого этого понятия.

Демоническое можно рассматривать как эстетически-метафизическое. Само явление подпадает под рубрику несчастья, судьбы и тому подобного, а потому его можно рассматривать по аналогии с тем, как человек может от рождения быть слабоумным и так далее. В этом случае к этому явлению стоят в отношении сочувствия. Между тем, подобно тому как желание – это самое жалкое из всех сольных искусств, сочувствие, во всяком случае в том смысле, в каком это слово обычно употребляется, есть самое жалкое из общественных умений и искусств. Сочувствие, далекое от того, чтобы послужить добру страждущего, скорее способствует удовлетворению собственного эгоизма. Человек просто не осмеливается в более глубоком смысле задуматься о чем-то подобном и потому спасается через сочувствие.

Только если сочувствующий в своем сочувствии относится к страждущему таким образом, что он в самом строгом смысле слова постигает, что речь идет тут о его собственном деле, только если он умеет так соединить себя со страждущим, что в своей борьбе за объяснение он борется за себя самого, отрекаясь от всякой бездумности, слабости и трусости, только в этом случае его сочувствие обретает значимость, и только в этом случае он, возможно, найдет в нем смысл, поскольку сочувствующий отличается от страждущего тем, что он страдает в более высоком смысле. Если сочувствие относится к демоническому таким образом, вопрос будет стоять не о паре утешительных слов, не о внесении своей небольшой лепты или пожатии плечами; ведь раз некто стонет, ему есть о чем стонать.

* * *

Коль скоро демоническое – это судьба, она может приключиться с каждым. Этого нельзя отрицать, даже если в наше трусливое время люди делают все возможное, чтобы посредством развлечений и янычарской музыки шумных мероприятий удерживать на расстоянии одинокие мысли, – точно так же, как в американских лесах держат на расстоянии диких зверей посредством факелов, криков и ударов в литавры. Именно поэтому люди в наши дни так мало могут

узнать о высочайших духовных искушениях, – но тем больше узнают обо всех этих пустяшных конфликтах между людьми или между мужчиной и женщиной – конфликтах, которые несет с собой сверхтонченная жизнь высшего света и салонов. Если истинно человеческое сочувствие воспринимает страдание как надежное поручительство и прибежище, значит, нужно прежде всего выяснить, в какой степени речь идет о судьбе и в какой – о вине. И такое различие должно быть проведено с заботливой, но также и с энергичной страстью свободы, так чтобы человек мог решиться держаться за это, пусть даже весь мир рухнет, пусть даже ему покажется, что своей неколебимостью он нанесет непоправимый вред.

Демоническое рассматривали, вынося ему приговор с этической стороны. Хорошо известно, с какой ужасной суровостью оно преследовалось, выслеживалось, наказывалось. В наши дни мы содрогаемся, когда об этом рассказывают, и мы становимся чувствительными и сентиментальными, когда думаем о том, что в наше просвещенное время никто так не поступает. Это вполне может быть и так, но разве сентиментальное сочувствие намного больше заслуживает похвалы?

Не мое это дело судить и осуждать подобное поведение, мое дело – его наблюдать. То, что оно было столь этически сурово, как раз и доказывает, что там сочувствие было лучшего качества. Когда это сочувствие само соединялось с этим явлением в мысли, тут не могло быть иного объяснения, помимо того что само это явление было виной. Поэтому такое сочувствие было убеждено, что в конечном счете само демоническое должно было соответственно своей лучшей возможности желать, чтобы против него была обращена вся жестокость и суровость. И если уж взять пример из близкой области – разве не Августин требовал для еретиков наказания, даже наказания смертью? Разве ему при этом недоставало сочувствия? А может быть, отличие его действий от того, что принято в наше время, состояло скорее в том, что сочувствие не делало его трусливым и потому он мог сказать относительно себя самого: «Если бы нечто подобное приключилось со мною, дай бог, чтобы рядом была церковь, которая не оставила бы меня, но использовала бы всю свою власть для моего исправления!» Но в наши дни человек боится того, чтобы – как однажды сказал Сократ – его резал и прижигал врач ради надежды на исцеление.

Демоническое обычно рассматривалось как нечто, на что следует воздействовать медицинским образом. А это значит: mit Pulver und Pillen², а потом даже и клистирной трубкой. Теперь аптекарь и врач соединяются вместе. Пациента удаляют, чтобы другие не испугались. В наше отважное время мы не решаемся сказать пациенту, что он должен умереть, мы не решаемся позвать священника, боясь, что он умрет от ужаса, мы не решаемся сказать одному пациенту, что примерно в то же время другой умер от той же болезни. Пациента удаляют, сочувствие будет справляться о его состоянии, врач обещает как можно скорее предоставить таблицы и статистический обзор, чтобы можно было посчитать средние цифры. Ну а когда есть средние цифры, все объяснено. С точки зрения подхода, направленного на медицинское рассмотрение, это явление остается чисто физическим и телесным, и потому, как это часто делают врачи, в особенности врач в одной из новел Э.-Т.-А. Гофмана, здесь нужно просто взять понюшку табаку и сказать: «Это серьезный случай».

То, что тут возможны три разных способа рассмотрения, явственно показывает двусмысленность этого явления, а также то, что оно в некотором смысле принадлежит всем трем сферам: телесной, душевной и духовной. А это указывает на то, что демоническое обладает куда большим охватом, чем обычно полагают, поскольку человек является синтезом души и тела, который основан на духе, так что нарушение в одной из частей сказывается и на всем остальном. И если только обратить внимание на то, какой охват имеет демоническое, возможно, одновременно станет ясно, что даже многие из тех, кто стремится рассматривать это явление, сами

² «Порошками и пилюлями» (нем.).

подпадают под эту категорию, равно как и то, что следы этого можно найти в каждом человеке, точно так же как каждый человек является грешником.

Поскольку же на протяжении всего этого времени демоническое означало самые разные вещи, так что в конце концов оно пришло к тому, что может означать буквально что угодно, лучше всего сейчас было бы попытаться некоторым образом определить это понятие. В этой связи следует обратить внимание на то, какое место мы ему уже отвели прежде. В невинности не может быть и речи о демоническом. С другой стороны, нужно отказаться от всяких фантастических представлений о заключении договора со злом и тому подобного, вследствие которых человек якобы становится совершенно злым. Из-за этого и появлялось противоречие в суровом подходе, свойственном прежним временам. Люди предполагали нечто подобное и все же высказывались за наказание. Но само по себе наказание было не только необходимой самозащитой, но также и средством спасения (либо спасения самих заинтересованных лиц при достаточно мягком наказании, либо спасения всех остальных, если виновник наказывался смертью); однако там, где речь могла идти о спасении, это значило, что индивид не так уж целиком подпадал под власть зла, если же он полностью оказывался под властью зла, само наказание становилось противоречием. Если кто-то задается вопросом, насколько демоническое представляет собой проблему для психологии, я отвечу, что демоническое – это состояние. Из такого состояния может постоянно возникать единичное греховное действие. Однако состояние – это возможность, даже если в своем отношении к невинности оно вместе с тем является и действительностью, полагаемой через качественный прыжок.

* * *

Демоническое есть страх перед добром. Если же мы пожелаем прояснить, как демоническое оказывается внезапным, нам достаточно чисто эстетически рассмотреть вопрос о том, каким образом лучше всего представить демоническое. Если некто пожелает представить себе Мефистофеля, он может с легкостью вложить ему в уста определенные реплики, если, конечно, он собирается использовать его в качестве некой силы в драматическом действии, вместо того чтобы постигать его в действительной сущности. Мефистофель тут, собственно, оказывается представленным не сам по себе, но сводится к образу злого и остроумного интригана. Тут, конечно, испаряется его сущность, тогда как народная легенда, напротив, рассматривала его правильно.

Согласно легенде, дьявол три тысячи лет сидел и думал, как ему погубить человека, и в конце концов он это придумал. Ударение делается здесь на трех тысячах лет, и представление, вызываемое таким числом, – это как раз представление о демонической, замышляющей недоброе закрытости. Если бы некто пожелал, чтобы сущность Мефистофеля испарялась тем же самым способом, он мог бы тем не менее обратиться к другому представлению. И тогда окажется, что Мефистофель по сути своей мимичен. Даже самые ужасные слова, звучавшие из пропасти зла, не способны оказать действие, подобное внезапности прыжка, который заложен внутри области мимического. Пусть даже слово действительно ужасно, пусть даже некий Шекспир, Байрон или Шелли нарушает тут молчание, само слово всегда сохраняет свою спасительную мощь; ибо даже все отчаяние, вся мрачность зла, собранные в одном слове, все же не так ужасны, как молчание. Мимическое может выражать тут внезапное, хотя это вовсе не значит, что мимическое как таковое становится поэтому внезапным. В этом плане балетмейстер Бурнонвилль имеет большие заслуги за представленный им образ Мефистофеля. Ужас, который охватывает тебя, когда видишь, как Мефистофель впрыгивает в окно и замирает в позе прыжка! Этот порыв в прыжке, напоминающий нападение хищной птицы, резкое движение хищного зверя, – он ужасает вдвойне, поскольку обычно взрывается внезапно изнутри совершенно спокойного положения, – производит бесконечно сильное впечатление. Поэтому

Мефистофелю следует как можно меньше двигаться вокруг; ведь такое движение – это своего рода переход к прыжку, оно содержит в себе предчувствие самой возможности прыжка.

Поэтому первый выход Мефистофеля в балете «Фауст» – это не просто какой-то театральный прием, он предлагает зрителю некую глубокую мысль. Слово и речь, как бы кратки они ни были, все же имеют определенную непрерывность, и причина этого, если посмотреть на все *in abstracto*, состоит в том, что они звучат во времени. Но внезапное – это совершенная абстракция от непрерывности, от предшествующего и последующего.

Так это и обстоит с Мефистофелем. Его еще не было видно, и вот он вдруг стоит тут во плоти, он действительно из плоти и крови, и быстроту его нельзя выразить сильнее, чем сказав, что он стоит тут в прыжке. Если прыжок перейдет в движение вокруг, воздействие будет ослаблено. Поскольку Мефистофель представлен здесь таким образом, его появление производит впечатление демонического, которое внезапно появляется как тать в ночи, потому что именно вору свойственно подкрадываться незаметно. Но одновременно Мефистофель раскрывает и свою сущность, которая в качестве демонической как раз и является чем-то внезапным.

Таким образом, демоническое есть внезапное в движении к этому демоническому; порой оно поднимается в человеке, порой же он сам и является им, поскольку он демоничен, независимо от того, овладело ли им демоническое целиком, со всей его плотью и кровью, или же оно присутствует лишь в некой бесконечно малой его части. Таким образом, демоническое всегда тут, и, таким образом, несвободе становится страшно, и, таким образом, движется ее страх. Отсюда и направленность демонического в сторону мимического – не в значении прекрасного, но в значении внезапного, резкого, – а это нечто, что в жизни часто случается наблюдать.

* * *

Так как в связи с внезапным я привлек внимание к проблеме эстетического представления демонического, мне хотелось бы теперь еще раз вернуться к этому же вопросу. Как только демона наделяют речью и собираются теперь представить его художнику, которому необходимо решить такую задачу, нужно ясно осознавать все эти категории. Он знает, что демоническое по сути своей мимично; внезапного, однако же, он не может добиться, поскольку этому мешают реплики. Он не станет заниматься жульничеством, стараясь сделать вид, будто благодаря внезапному и отрывистому выкрикиванию отдельных слов он в состоянии добиться истинного впечатления. Потому он совершенно правильно избирает нечто противоположное, то есть скучное. Непрерывность же, которая соответствует внезапному, – это то, что можно было бы назвать «неумиранием». Скука, неумирание – это как раз и есть непрерывность внутри Ничто. Теперь число, приведенное в народном сказании, можно понять несколько иначе. Три тысячи лет подчеркиваются здесь не в плане внезапного; вместо этого весь этот огромный промежуток времени вызывает представление о мрачной пустоте и бессодержательности зла. Свобода спокойно пребывает в непрерывности, противоположность этому – внезапность; однако противоположность будет заложена и в самом таком спокойном пребывании, вызывающем представление о человеке, который выглядит так, будто он уже давно умер и похоронен.

Художник, понимающий все это, тотчас же убедится в том, что, найдя правильный способ представить демоническое, он вместе с тем нашел и подходящее выражение для комического. Комического воздействия можно добиться совершенно тем же способом. Если удерживать на расстоянии все этические определения зла, используя тут только метафизические определения пустоты, у нас останется лишь тривиальное, которому нетрудно придать комический аспект.

Бессодержательное, скучное означает опять-таки нечто закрытое. В отношении к внезапному рефлектирующее определение закрытого обращено в направлении к содержанию. Если теперь я включу сюда определения «бессодержательного», «скучного», то в рефлексии

это будет связано с содержанием, тогда как закрытое с формой, которая соответствует этому содержанию. Таким образом, все понятийное определение оказывается замкнутым и завершённым; ибо формой бессодержательного как раз и оказывается закрытость. Следует постоянно помнить о том, что в соответствии с предложенным мною речевым употреблением человек не может быть закрыт в Боге или в добре, поскольку такая закрытость означала бы как раз величайшее расширение и величайший охват. Потому чем определеннее развита в человеке совесть, тем более он широк, даже если в остальном он закрывает себя от всего мира.

Пожелай я теперь напомнить о терминологии новейшей философии, я мог бы сказать, что демоническое там – это негативное, Ничто, которое подобно девушке-эльфу: когда смотришь на нее со спины, видно, что она полая внутри. Однако я делаю это не слишком-то охотно, поскольку в теперешнем окружении и в процессе обращения эта терминология стала такой любезной и гибкой, что может теперь обозначать что угодно. Негативное – если бы мне пришлось использовать это слово – означало бы форму Ничто, точно так же как бессодержательное соответствует закрытому. Но в негативном есть тот недостаток, что оно определяется скорее вовне; оно обозначает отношение к чему-то другому, что как раз и отрицается, тогда как закрытое обозначает именно само состояние.

Если негативное понимается таким образом, я ничего не имею против того, чтобы это слово использовали для обозначения демонического, при условии что негативное окажется в состоянии избавиться от всех причуд, которые ему вбила в голову новейшая философия. Негативное все больше и больше становилось предметом насмешек, и само это слово уже заставляет человека улыбаться, подобно тому как улыбаются, когда в жизни или, например, в песнях Беллмана встречаешь одного из этих забавных персонажей, – вначале он был трубачом, затем мелким служащим на таможне, потом – держателем гостиницы, а там, глядишь, и почтальоном. Поэтому и иронию объясняли как негативное. Первым придумал это объяснение Гегель, который сам, как ни странно, не особенно разбирался в иронии. О том, что был Сократ, благодаря которому ирония появилась на свет и который дал этому ребенку имя, о том, что его ирония была как раз закрытостью, которая началась с того, что он закрылся от людей, закрылся в самом себе, чтобы углубиться в божественное, собственно, он начал с того, что закрыл дверь и посчитал дураком всякого, кто остался снаружи, закрыл дверь, чтобы говорить скрытно, – обо всем этом никто особенно не беспокоится. Обычно слово «ирония» употребляют применительно к тому или иному случайному явлению, и считается, что тут-то как раз есть ирония. Затем приходят болтуны-последователи, которые, несмотря на все свои всемирно-исторические обзоры, к сожалению, лишены всякой более глубокой способности рассмотрения и понимают в понятиях столько же, сколько понимал в изюме тот благородный юноша, который во время экзамена на лицензию зеленщика в ответ на вопрос, откуда берется изюм, сказал: «Наш мы обычно берем у профессора на Твергаде».

* * *

Теперь мы снова возвращаемся к определению, согласно которому демоническое – это страх перед добром. Если бы, с одной стороны, несвобода была бы способна полностью закрыться и гипостазировать себя, но, с другой стороны, если бы она не стремилась делать это снова и снова (в этом и заложено противоречие: несвобода как будто желает чего-то, тогда как на самом деле она как раз утратила свою волю), демоническое не было бы страхом перед добром.

Поэтому страх явственнее всего виден в мгновение соприкосновения. Независимо от того, означает ли демоническое в единичной индивидуальности нечто ужасное или же, напротив, оно подобно пятнам на солнце или маленькому светлому пятнышку на мозоли, целиком демоническое и частично демоническое должны быть определены одним и тем же образом,

и даже маленькой, незначительной части демонического оказывается страшно перед добром совершенно в том же смысле, как и тому, кто полностью охвачен демоническим. Рабство греха – это, конечно, тоже несвобода, однако его направленность, как это было показано выше, совершенно иная, его страх – это страх перед злом. Если это не представляют себе твердо, то ничего вообще нельзя объяснить.

Несвобода, демоническое есть, стало быть, некое состояние. Таким образом это и рассматривает психология. Напротив, этика видит, как из него все снова и снова внезапно появляется новый грех; ибо только добро есть единство состояния и движения.

Между тем свободу можно потерять разными способами, а соответственно этому различны и виды демонического. Эти различия можно рассмотреть теперь, подводя их под следующие рубрики: соматически-психическая утрата свободы и пневматическая утрата свободы. Благодаря предшествующему изложению читатель наверняка уже свыкся с тем, что я использую понятие «демоническое» в расширительном смысле, хотя следует заметить, что этот смысл не более расширен, чем это позволяет сделать само понятие.

Немного толку в том, чтобы превращать демоническое в какого-то чудовищного людоеда, которого вначале боишься, а затем просто игнорируешь, поскольку прошло уже немало столетий с того времени, как такого людоеда можно было встретить в мире. Такое предположение – большая глупость; ибо демоническое, вероятно, никогда еще не было так распространено, как в наше время, разве что в наши дни оно проявляется по преимуществу в духовных областях.

**Идентификация страха
(Из книг Ж. Делюмо «Ужасы
на Западе»³ и «Грех и страх»⁴)**

Жан Делюмо

³ Перевод с фр. Н. Елифанцевой.

⁴ Перевод с фр. И. Иткина.

Живые мертвецы и привидения

Раньше полагали, что прошлое не исчезает по-настоящему, оно в любой момент может вернуться и угрожать жизни. В общественном сознании не было четкого разделения между жизнью и смертью. Еще в XVII веке юристы рассуждали о том, может ли на трупе выступать кровь в присутствии убийцы, выдав его таким образом правосудию. Так, в своем «Трактате о появлении духов», изданном в 1600 году, теолог монах Ноэль Тайельс категорично заявляет: «Если разбойник приблизится к телу человека, которого он порешил, мертвец покрывается пеной, потом и проявляет некоторые другие признаки».

В манускрипте XV века рассказывается, что некий человек имел привычку, проходя мимо кладбища, читать молитву за упокой усопших. Однажды на него напали его самые лютые враги. Он бросился бежать к кладбищу, и мертвецы поднялись из могил на его защиту, каждый был вооружен тем орудием труда, которым он пользовался при жизни. Увидев все это, нападавшие убежали в ужасе и изумлении. Вскоре в одной из хроник появляется подобная история: некий священник ежедневно читал псалом «Из бездны взываю к тебе, Господи». Завистники, считая это дело слишком прибыльным, донесли на него епископу. Тот повелел запретить эту службу. Но однажды, когда он был на кладбище, на него набросились мертвецы. Для своего спасения епископ обещал им разрешить мессу по умершим.

Конечно, это не что иное, как свидетельство веры в загробную жизнь. В связи с этим можно задаться вопросом по поводу тени отца Гамлета у Шекспира и ожившей статуи Командора у де Молина: как воспринимали зрители того времени этих персонажей – как фантазию авторов или же как существующую реальность? И уж совсем категоричен по поводу загробной жизни теолог Ноэль Тайепье:

«Когда дух умершего появится в доме, собаки жмутся к ногам хозяина, потому что они сильно боятся духов. Случается, что с постели сдернуто одеяло и все перевернуто вверх дном или кто-то ходит по дому. Видели также огненных людей, пеших и на коне, которых уже похоронили. Иногда погибшие в битве, равно как и мирно почившие у себя в доме, звали своих слуг, и те узнавали их по голосу. Часто ночью духи ходят по дому, вздыхают и покашливают, а если их спросить, кто они, то называют свое имя».

Возможность появления привидений интерпретировалась двояко. «Толкование» привидений «по горизонтали» (согласно Е. Ле Руа-Ладюри, известному в свое время естествоиспытателю), в сущности, базировалось на вере в загробную жизнь двойника» (по выражению Е. Морена): усопший – телом и душой – продолжает некоторое время жить и может возвращаться на место своего земного обитания. Другая концепция, трансцендентная, «по вертикали» разрабатывалась официально теологами того времени и пыталась объяснить привидения (это слово, кстати, не употреблялось в то время) игрой воображения и спиритических сил. Аргументацию этого феномена, представленную в обширных трудах Пьера Ле Луайе, можно найти у всех демонологов того времени. Сначала проводится грань между фантомом и призраком. Первый – это плод больного и меланхолического воображения, возникающий вследствие самовнушения и не отражающий действительность. Второй – наоборот – плод здорового воображения в виде бестелесной субстанции, которая предстает перед перепуганными людьми наперекор всем законам природы.

* * *

Но у церкви появляется новый противник в этом вопросе, которого следует уничтожить, – это протестантство. Цюрихский пастор Лоис Лаватер в своем сочинении, изданном в 1571 году, вообще отрицает возможность появления на Земле душ умерших. Это отрица-

ние является следствием отрицания реформаторской церковью чистилища. Лаватер рассуждает так: есть только два места – рай и ад, куда попадают души умерших. Попавшие в рай не испытывают надобности в помощи живых, а те, кто попал в ад, никогда оттуда не выйдут, и им уже ничем нельзя помочь. Отчего же душам умерших противиться своей участи: одним – покоя, другим – мучений?

Католикам оставалось лишь саркастически не признавать подобные рассуждения. В свою очередь, они пытаются логически обосновать верование древних в присутствие усопших среди живых и ищут подтверждение этому в Священном Писании и свидетельствах св. Августина и св. Амбруаза. Господь может разрешить умершим появиться в своем прежнем облике среди живых. Он может также позволить ангелам, летающим между небом и землей, принять людской облик. В этом случае их тела – не что иное, как сгущенный воздух. Что касается демонов, то и они могут появляться среди людей, создавая себе тело из воздуха, подобно ангелам, или же вселяясь в тела умерших и во всякую падаль. Это поверье объясняет стихи Ронсара и Дю Белле, где говорится о колдунье на кладбище, а также стихи Агриппы д'Обинье, посвященные некой Эрини. Этот персонаж олицетворяет ведьм вообще и самую одиозную из них – Екатерину Медичи.

«Ночью она по жутким кладбищам блуждает. Могилы истлевших мертвецов без страха отверзает. Затем, вдохнув в останки силу дьявола, ужасным призракам ходить повелевает».

Все эти появления духов происходят по воле Божьей и во благо живых. Если в теоретическом плане возможность жизни после смерти была отброшена как ошибочная, то в богословии она вновь заняла свое место. Души усопших могут появляться среди живых, чтобы донести до них спасительную весть. Призраки приходят просить у Церкви милости молиться за них и вызволить их из геенны или же ходатайствовать о лучшей жизни для живых.

Показательна в этом плане Книга заклинаний середины XV века (около 1450 года) настоятеля из Турнэ. В ней содержится, кроме прочего, два опросника, предназначенных для окаянных душ и душ из преисподней.

«Душе из чистилища:

1. Чей ты есть (или был) дух?
2. Долго ли ты находишься в преисподней?..
3. Что было бы тебе на пользу?
4. Почему ты появился здесь, и почему ты появляешься здесь чаще, чем в других местах?
5. Если ты добрый дух, страждущий Божьей милости, почему ты принимаешь, как свидетельствуют, обличье разных зверей и животных?
6. Почему ты появляешься в определенные дни?

Окаянной душе:

1. Чей ты есть (или был) дух?
2. Почему ты осужден на вечные муки?
3. Почему ты приходишь, как свидетельствуют, чаще всего на это место?
4. Будешь ли ты запугивать живых?
5. Желает ли ты проклятия странникам? (Все мы на этом свете странники.)
6. Что ты выбираешь: небытие или муки в геенне?
7. Какие адские муки самые страшные?
8. Является ли проклятие, то есть лишение зреть Господа Бога, более мучительным, чем чувственные страдания?»

* * *

Богословский спор о привидениях проливает свет на этнографию другого поверья, распространенного в классической Европе. Это поверье сводится к следующему: после кончины умершие в течение какого-то времени продолжают жить примерно так же, как и до смерти. Они возвращаются в свой дом, иногда чтобы навредить. В Моравии считается вполне обычным видеть душу умершего за столом в компании своих знакомых. Не произнося ни слова, он кивком головы указывает на того, кто непременно должен умереть следующим. Умершего следует откопать и сжечь, чтобы избавиться от его привидения. В некоторых районах Богемии от привидений, пугающих деревенских жителей, избавлялись так: умерших, на которых пало подозрение, откапывали и пригвождали колом к земле. В Силезии полагали, что призраки бывают ночные и дневные. Вещи, которые им принадлежали, начинают перемещаться сами по себе. Единственный способ избавиться от этих привидений – это обезглавить и сжечь умершего, чьим призраком они являются.

В Сербии привидения бывают вампирами, пьющими кровь из шеи своей жертвы, которая умирает от изнеможения. Когда откапывают могилу умершего, которого подозревают в загробных злодеяниях, то находят их как живыми, с «алой» кровью. Им отрубают голову, обе части тела вновь кладут в могилу и заливают ее гашеной известью.

В конце 1700 года жителей Микен охватила паника. Некий крестьянин, известный своим злым и вздорным нравом, был таинственным образом убит. Покинув могилу, он стал возмущать спокойствие острова. Десять дней спустя после похорон при всем народе его откопали, мясник не без труда вырвал ему сердце, и оно было сожжено на площади. Но привидение продолжало наводить ужас на жителей острова. Священники говели, провели крестный ход. Тело умершего снова откопали, положили на повозки, и оно стало биться и вопить. Наконец, его сожгли, и тогда прекратились «злодеяния привидения».

Страх вампиров был распространен в Румынии, стране Дракулы. Английский путешественник отмечает в 1828 году: «Если человек умирает насильственной смертью, на месте его гибели воздвигают крест, чтобы погибший не превратился в вампира».

В начале XVIII века некий монах при посещении небольшой епархии Сенез с тревогой заметил, что в горах практикуется ставить на могилу умершего облатки и молоко в течение года после смерти.

Ганс Рудольф Гигер. Necronom IV

Приехав в 1794 году в Финистер, Камбри отмечает: «Как здесь полагают, в полночь мертвецы поднимают веки. Никто не осмелится в округе мести пол ночью. Считается, что этим выметают из дома счастье, что ночью усопшие ходят по дому и что метлой их можно задеть и прогнать». Бретань, с точки зрения изучения места привидений в прошлой цивилизации, представляет большой интерес. «Не успели вбить последний гвоздь в крышку гроба умершего, как его уже видели стоящим около изгороди своего дома», – пишет Браз в «Легенде о смерти» и далее уточняет: «Усопший сохраняет свою материальную форму, внешность, характер, а также повседневную одежду. Раньше в этой провинции считалось, что днем земля принадлежит живым, а ночью мертвым. Кроме того, в Бретани верили, что усопшие составляют особое сообщество, носившее имя “Анаон”, где множественность означает коллективное единство. Его члены пребывают на кладбище, но под покровом ночи они возвращаются на место своего земного обитания. Именно поэтому нельзя подметать пол ночью. Души умерших собираются три раза в год: под Новый год, вечером на Святого Иоанна и вечером праздника всех Святых – в эти дни можно видеть, как процессии привидений направляются к месту сбора. Особая роль отводилась “Анку” – последнему умершему в этом году человеку, который весь следующий год был “жнецом” и с косою смерти за плечами собирал свой жуткий урожай, увозя его на скрипящей повозке».

* * *

Среди сложных, вернее, противоречивых ритуалов поведения по отношению к умирающему и умершему многие, безусловно, продиктованы сверхъестественным страхом. К примеру, во многих местах был распространен обычай выливать воду из сосудов в доме или хотя бы в комнате покойника. Это действие рассматривалось церковниками как нехристианское; так, в Бразилии инквизиция находила в этом обычае доказательство неверности адептов христианству и возврат к иудаизму. Что же означал этот обычай? Возможно, то, что душа, омыв себя

водой, перед тем как отлететь на небо, загрязнит грехами воду, находящуюся в доме. Или же этим действием хотели не дать душе утонуть, если ей вздумается попить или посмотреться в воду. Не по этой ли причине закрывают зеркала в доме покойника?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.